

Центр "Петербургское Востоковедение"
St.Petersburg Centre for Oriental Studies

ПЕТЕРБУРГСКОЕ ВОСТОКОВЕДЕНИЕ

**ST.PETERSBURG JOURNAL
OF ORIENTAL STUDIES**

**выпуск 8
volume 8**

**Центр
«Петербургское Востоковедение»**

**Санкт-Петербург
1996**

Н. А. Невский

На стеклах вечности...

НИКОЛАЙ НЕВСКИЙ

**Переводы,
исследования,
материалы к биографии**

вует своей ущербности по сравнению с интеллигентами прошлого, — тем самым в своей интеллигентности неполноценен.

Литература и архивные материалы

1. Алексеев В. М. Введение в изучение китайского языка // СП6О Архива РАН. Ф. 820. Оп. 1. № 24.
2. Алексеев В. М. Мои годовые отчеты за XXX лет Советской власти. 1918—1950 // СП6О Архива РАН. Ф. 820. Оп. 2. № 142.
3. Алексеев В. М. Наука о Востоке: Сборник статей и документов. М., 1982.
4. Алексеев В. М. Россия и Китай: (Опыт очередного напоминания). (Начало 1920-х годов) // СП6О Архива РАН. Ф. 820. Оп. 1. № 4.
5. Алексеев В. М. Стахановское движение и советская китаистика. Конспект доклада. 1935 // СП6О Архива РАН. Ф. 820. Оп. 1. № 8.
6. «Восток». Изд-во «Всемирная литература». Кн. 2. Пг., 1923.
7. Дудинцев В. // «Литературная газета». 17. 08. 1988, с. 11.
8. Литература и культура Китая: Сборник статей к 90-летию со дня рождения академика В. М. Алексеева. М., 1972.
9. Невский Н. А. Письма В. М. Алексееву // СП6О Архива РАН. Ф. 820. Оп. 3. № 577.
10. Невский Н. А. Фотокопия письма В. М. Алексееву // Архив востоковедов СП6О РАН. Ф. 69.
11. Отчет о деятельности АН СССР в 1931 г. Л., 1932, IV, 383, [VI].
12. Традиционная культура Китая: Сборник статей к 100-летию со дня рождения академика В. М. Алексеева. М., 1983.

Тангутские тетради

Е. И. Кычанов

Две тетради по тангутике из архива Н. А. Невского¹ должны были бы быть опубликованы в издании «Тангутская филология»². Для них не только не нашлось места, но и в принципе отсутствовало понимание важности этих материалов. При подготовке издания первостепенное значение отводилось «Словарю».

По мнению М. В. Софронова, «судя по материалам, хранящимся в архиве, Н. А. Невский стоял на пути, который вел его к успешному завершению фонетической реконструкции. Если бы не безвременная гибель, Н. А. Невский закончил бы эту работу в начале 40-х гг.»³

В плане работы Н. А. Невского на 1936 г. записано:

¹ Архив востоковедов СП6О Института востоковедения РАН. Ф. 69. Оп. 1. № 10—11.

² Н. А. Невский. Тангутская филология: Исследования и словарь. М., 1960. Кн. 1—2.

³ М. В. Софронов. Грамматика тангутского языка. М., 1968. Кн. 1. С. 25.

«1. Тема: Исследование произношения тангутских идеографов на основании тангутских словарей и кратких фонетических таблиц.

Общий объем: около 10 печатных листов.

Начало работы: 1 апреля 1936 г.

Конец работы: 1 сентября 1937 г.

Что будет сделано
в теч[ение] 1936 г.

Будут составлены подробные фонетические таблицы тангутского произношения (в количестве 200)

Оформление: Книга»

Продолжение работы предусматривалось в пятилетнем плане 1938—1942 гг.:

1938 г.

1. Издание сохранившейся части перевода «Лунь юй» с тангутскими комментариями, снабженное переводом, примечаниями и словарем.

2. Определения и регистрация тангутских рукописей и ксилографов — 200 карточек.

1939 г.

1. Составление списка тангутских идеографов, расположенных по фонетическим группам и снабженных китайскими и тибетскими фонетическими эквивалентами.

2. Определение и регистрация тангутских рукописей и ксилографов — 200 карточек.

1940 г.

1. Издание тангутского сборника рассказов на китайские темы «Вновь собранные записки о любви и сыновней почтительности», снабженное переводом и примечаниями.

1941 г.

1. Исследование тангутского перевода не сохранившегося китайского сборника рассказов «Лэй Линь», иллюстрированное переводами.

1942 г.

1. Издание тангутско-русского идеографического словаря на 3—4 тысячи идеографов¹.

Таким образом, Н. А. Невский предполагал публикацию результатов исследования фонетики тангутского языка ранее публикации словаря, в котором, очевидно, каждому тангутскому знаку соответствовала бы реконструкция его предположительного звучания. Идеографы должны были «заговорить».

План работы и ее выполнение не соответствуют по времени: как общая тема она была заявлена на 1936—1937 гг., реальное воплощение работы — составление списка тангутских идеографов, расположенных по фонетическим группам и снабженных китайскими и тибетскими фонетическими эквивалентами, — на 1939 г. Однако значительная часть работы уже была сделана к роковому дню — 3 октября 1937 г.

¹ Архив востоковедов СПбО РАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 45.

«Перечень тангутских иероглифов ровного и восходящего тона», составленный Н. А. Невским, может и сегодня быть фундаментом для реконструкции тангутского языка, а также китайского и тибетского диалектов, которые были использованы для транскрипции тангутских письменных знаков.

В настоящее время опубликованы три полных фонетических реконструкции тангутского языка: проф. Нисида Тацуо¹, проф. М. В. Софронова² и проф. Ли Фань-вэнь³. Насколько известно автору данной заметки, до сих пор никем из исследователей, специалистов по исторической фонетике языков, связанных с транскрипцией тангутских письменных знаков, не было предпринято критическое сопоставление вышеуказанных транскрипций (реконструкций). Материалы Н. А. Невского должны в очередной раз привлечь внимание лингвистов, занимающихся синтетическими языками, к проблемам реконструкции фонетики тангутского языка.

Материалы Н. А. Невского — это две общие тетради в черных коленкоровых переплетах.

Тетрадь 1. На лицевой стороне обложки в левом верхнем углу наклейка: «Архив востоковедов ИВ АН СССР, ф. 69, оп. 1. №№ (чернилами 13(1) зачеркнуто и карандашом вписано 10)». Первая страница не заполнена текстом с обеих сторон. Страницы тетради пагинированы карандашом от 1 до 98. В конце штамп «Архив востоковедов ИВ АН СССР, ф. 69, оп. 1, № 13(1). (Номер также зачеркнут чернилами, карандашом вписан номер 10.) В настоящей единице хранения девяносто восемь пронумерованных листов. 7 мая 1954 г. Подпись». Не указано, что страницы 68б и 69а без текста. Пагинация страниц явно была сделана работником Архива при архивной инвентаризации.

Тетрадь 2. На лицевой стороне аналогичная наклейка и правка № 13(2) на 11. В тетради пронумеровано 100 страниц, но с. 94—100 без текста. Соответственно в штампе в конце тетради указано, что «в настоящей единице хранения сто пронумерованных листов, из них 7 чистых. 7 мая 1954 г.» Подписи на штампах тетрадей 1 и 2 неразборчивы, но, судя по почерку, возможно, они принадлежат З. И. Горбачевой, столь много сделавшей для разбора и публикации научного наследия Н. А. Невского и начавшей эту работу еще до официальной реабилитации ученого.

В тетрадях содержится 4201 тангутский идеограф, которые составляют примерно 2/3 от общего числа знаков письма Си Ся (тангутского). В основу положен словарь «Море письмен»⁴. Каждый лист расчерчен по вертикали на девять колонок, по горизонтали — на неодинаковое число граф, зависящее от количества знаков-омонимов, читающихся по одному и тому же *фань-це*. В одной из горизонтальных полос указывается рифма, к которой относятся перечисленные ниже знаки.

¹ Нисида Тацуо. Сэйка кэнкю. Киото, 1961. Т. 2.

² М. В. Софронов. Грамматика тангутского языка. Кн. 2.

³ Ли Фань-вэнь. Тун инь яньцзю. Иньчуань, 1986.

⁴ См.: Море письмен: Факсимиле тангутских текстов / Пер. с тангут., вступ. ст. и прил. К. Б. Кепинг, В. С. Колоколова, Е. И. Кычанова и А. П. Терентьева-Катанского. М., 1969. Ч. 1—2 (Памятники письменности Востока. Вып. 25); 史金波、白滨、黄振华, 文海研究, 北京, 1983 (*Ши Цзинь-бо, Бай Бинь, Хуан Чжэн-хуа*. Вэньхай яньцзю). В китайской публикации имеется вступительная статья Хуан Чжэн-хуа «Введение в изучение системы фань-це "Моря письмен"» (с. 65—134). С. 125—134 — реконструкция рифм и инициалей и сводная таблица, которая в принципе позволяет восстановить чтение каждого знака, попавшего в словарь «Море письмен» и по системе Хуан Чжэн-хуа.

3043	建	牙	II, 12	收	牙	II, 12	收
3044	夏			順			順
3045	效	唇重	II, 5	420	XII 效		
3046	效			3057	效	正齒	II, 39
3048	效			3058	前		
3049	前			3059	前		
3050	前			3060	前		
3051	效			3061	效	正齒	II, 39
3052	效			3062	效		水 ⁽¹⁾
3053	效			3063	效	唇重	II, 8
3054	效	古齒	II, 19	3064	效		批, piei; pi
				3065	效	唇重	II, 9
							(音名) mu-are, mu

В вертикальных колонках указывается порядковый номер идеографа в тетради, его написание, *фань-це*, которым передается чтение данной группы идеографов-омонимов, наименование (класс) инициали либо реконструкция инициали по материалам «Фонетических таблиц», китайская транскрипция и тибетская транскрипция. Китайская транскрипция сопровождается старым (по Б. Калгрену) и современным чтением иероглифа. Тибетская написана в оригинале и транслитерации.

В «Перечне» содержатся знаки, относившиеся к 97 рифмам ровного и 56 рифмам восходящего тонов.

На крайнем верхнем поле имеются разнообразные пометы, которые соотносят данный перечень знаков по словарю «Море письмен» с другими источниками:

1. Со словарем омонимов «Гомофоны», ибо число знаков-омонимов в словаре «Море письмен» и словаре «Гомофоны» для некоторых групп омонимов не совпадало.

2. С «Фонетическими таблицами» по классификации инициалей, ибо и здесь были несовпадения.

Приведем примеры. Л. 256, тетрадь 2. «В словаре "Гомофоны" данный ид(еограф) отнесен в группу губных спирантов, но в "Море идеографов" он окружен, как видно, идеографами, начинающимися с гортанной фонемы; первый знак его фань-це отнесен к гортанным». Л. 96, тетрадь 2. «В одном из списков фонетических таблиц идеограф отнесен к "гортанным" и помещен в первом ряду». Судя по пометам, Н. А. Невский широко использовал не только сохранившиеся части книг или книги словаря «Гомофоны», но и имеющиеся многочисленные фрагменты разных изданий этого словаря. В тетради 2 есть отсылка к словарю «Драгоценные рифмы» (л. 516).

Именно этот словарь, судьба которого неизвестна, так как его в настоящий момент нет среди тангутских материалов СПб ИВ РАН, позволил Н. А. Невскому, а значит, и всем его последователям выделить значительную часть идеографов восходящего тона. Описание словаря сохранилось в статье Н. А. Невского «Материалы для изучения тангутского произношения»¹. Полное название словаря «Драгоценные рифмы моря письмен Белого высокого великого государства»². По характеристике Н. А. Невского, «рукопись эта плохой сохранности, без конца. Книга состоит, по-видимому, из двух частей: первая — идеографы "ровного тона" и вторая — идеографы "восходящего и входящего тонов"»³. Проблема наличия входящего тона в языке Си Ся не решена. М. В. Софронов полагал, что «в тангутском языке XI в. было два тона — ровный и восходящий, каждый из которых реализовался в верхнем или нижнем регистре в зависимости от начального согласного. В конце XII в. в тангутском языке было четыре тона: ровный, восходящий, уходящий и входящий»⁴. Во всяком случае, словарь «Драгоценные рифмы моря письмен Белого высокого великого государства» оказался действительно «плохой сохранности», и если он не погиб (ранее автор этих строк писал, что словарь был утрачен во время войны), то не исключено, что находится в руках человека, не понимающего истинной ценности уникального памятника. Попутно

¹ Н. А. Невский. Тангутская филология. Кн. 1. С. 129.

² Словарь был найден среди бумаг О. П. Петровой и возвращен в Тангутский фонд СПбФ ИВ РАН.

³ Н. А. Невский. Тангутская филология. Кн. 1. С. 129.

⁴ М. В. Софронов. Грамматика тангутского языка. Кн. 1. С. 96.

заметим, что все только что сказанное относится и к текстам с тибетской транскрипцией, исчезнувшим бесследно.

Н. А. Невский в последней из своих известных автобиографий от 29 мая 1936 г. писал: «Я по своему складу более всего чувствую удовлетворение при исследовательской работе»¹. Любой непредвзятый специалист подтвердит, какой упорный труд вложил Н. А. Невский в эти две тетради. Прошло 55 лет. Целый отряд представителей мирового содружества ученых сделал и свой вклад в исследование фонетики тангутского языка. Результаты их исследований не совпадают. Это не значит, что когда-то не будет единого согласованного решения. Делает успехи историческая фонетика китайского и тибетского языков, а это верный путь к согласованной и близкой к подлинному звучанию языка Си Ся реконструкции фонетики тангутского языка. И на этом пути исследователям поможет публикуемый материал, избавит их от какой-то доли тяжкого труда по сопоставлению материалов из разных источников, потому что он уже был проделан Н. А. Невским. Было бы справедливо перенести его результаты из архива в актив мировой науки, чтобы лишний раз напомнить всем о ее преданном труженике Николае Александровиче Невском, столетие со дня рождения которого мы отметили в 1992 г.

Позволю себе закончить словами проф. Нисида Тацуо: «Работу Н. А. Невского по языку Си Ся с точки зрения ее количества и затронутых областей правильно выделить в качестве нового этапа. Невский... был великим филологом»².

Письмо В. И. Титянова к Е. И. Кычанову

В 1962 г. Николаю Александровичу Невскому за труд «Тангутская филология» (в двух книгах) была присуждена Ленинская премия (посмертно). Во многих газетах, в том числе и центральных, «Правде» и «Известиях», появились публикации о Н. А. Невском. В Институте востоковедения ждали откликов от тех людей, которые разделили тяжкую судьбу ученого. В то время лишь некоторые знали или твердо были убеждены в том, что он был расстрелян, но многие верили официальной справке о реабилитации и свидетельству о смерти Н. А. Невского от 1945 г. Можно было ожидать писем от тех людей, которые могли быть с Н. А. Невским в заключении.

Нашелся только один человек, В. М. Титянов, который находился с Н. А. Невским в одной камере в период следствия по его делу. Он написал письмо З. И. Горбачевой, подготовившей труды Н. А. Невского к изданию. А когда мне было поручено написать научно-популярную книжку о Н. А. Невском (вышедшую позже под названием «Звучат лишь письма»), я, по совету З. И. Горбачевой, написал В. М. Титянову и попросил его прислать мне свои воспоминания о Н. А. Невском. Ниже я привожу текст полученного мной в августе 1963 г. письма³. В. М. Титянов в мое отсутствие приезжал в Ленинград, и я жалею о том, что не встретился с ним лично. О его дальнейшей судьбе мне ничего неизвестно.

¹ Архив востоковедов РАН. Ф. 152. Оп. 3. Ед. хр. 45.

² Рец. на двухтомник «Тангутская филология» (Гэнго кэнкю. Т. 31. С. 64).

³ Текст письма сохранен в первоизданном виде.

Уважаемый Евгений Иванович!

Я перед Вами в долгу. Давненько Вы просили меня написать все, что я знаю о Николае Александровиче Невском.

Неоднократно пытался я эту писанину совершить, но она у меня почему-то не получается. Вернее мне ясно, почему она не получается, во-первых, никак не смогу кратко и понятно изложить своего письма, во-вторых, моя грамотность и осведомленность в вопросах тангутского государства невелика. Все, что я слышал в свое время по этому вопросу, осталось в моей памяти как сказка. Мне кажется, что мое сообщение вряд ли даст что-либо нового в Ваших творческих делах. К тому же это сообщение мое может быть даже и правдивым, но неумело будет изложено художественно.

Другое дело — ряд товарищей освещают этот вопрос, может быть, не всегда верно, но зато грамотно и художественно. Мне, Евгений Иванович, легче выполнить какую-нибудь тяжелую физическую работу, чем изложить на бумаге всего того, что нами переговорено с Н. А. по всяким этим тангутским вопросам и творческих его делах в этом вопросе. Однако удовлетворит или не удовлетворит мой ответ, я считаю своим долгом кое-что Вам написать.

Прежде чем приступить к ответу на поставленные передо мной Вами вопросы, мне хочется сообщить, когда и как я познакомился, а потом даже и сдружился в какой-то степени с Николаем Александровичем Невским. Это первое знакомство состоялось перед обедом 11—X—1937 г. Оно было необычным и произошло в мрачных тюремных условиях Ленинградского дома предварительного заключения НКВД (в ДПЗ), что располагалось во дворе здания НКВД по Литейному проспекту. 10—X—37 г. будучи в этом памятном здании НКВД на приеме, меня там и арестовали. День и ночь для меня были особенными, часов в 5 утра 11—X нас после некоторых необычных в моей жизни издевательств погнали в баню под холодный душ. Эта баня была особой баней, после которой сразу же и окончательно теряется человеческий облик. Стали разводить по камерам. Меня поместили в камеру № 54, где находился уже Николай Александрович. Не успев втолкнуть меня в камеру, сразу же последовал неприятный лязг запора, говорящий о том, что отсюда больше уже таким человеком, каким ты был, не выйдешь. Ко мне сразу же ринулась группа каких-то необычных людей, по своему внешнему облику напоминающие вроде дикарей или сумасшедших. Задавалось множество самых разнообразных вопросов. Я, дрожа от постигших переживаний, страха и после холодного очевидно душа, отвечать на вопросы не мог. Воздух в камере был каким-то спертый и мне дышать было нечем. Откуда-то издали послышался мягкий человеческий голос: «Товарищи, отступите от человека, неужели Вы не видите, он волнуется и не может ответить на Ваши вопросы». Мой взор невольно как-то направился в сторону, откуда доносился будто бы защищавший меня голос. У этого человека был выпуклый вперед высокий лоб, тонкие плотно сжатые губы, глубоко посаженные умные и внимательные глаза. С обросшей небольшой бородой. Волосы на голове седые, аккуратно заброшенные назад и немного сзади выющие. Волосами напоминал или художника или священного служителя.

Когда толпа от меня отодвинулась, я как-то невольно в поисках себе места уюта подошел к этому человеку. Их сидело трое на ломаной ржавой железной кровати. Уступили место для сидения и мне, где началось мое знакомство. Первым мне отрекомендовался старичок Василий Ва-

сильевич Лорик. Кстати, жизнь и деятельность которого в области внедрения техники в нашей царской России и развития металлургической промышленности имеет немаловажное значение. Вторым знакомством состоялось с Николаем Александровичем Невским, который представился работником Эрмитажа. Третьим был церковный служитель отец Владимир. С другой стороны кровати, т. е. за спиной сидели профессор Календарев, доктор Виноградов, зам. командующий ЛВО Федоров, артист Андриевский, с которым тоже познакомился. Вот как состоялась наша первая встреча.

Не только знакомство, но и близкое товарищеское взаимоотношение у меня с Н. А. стало все больше укрепляться тем, что мы вместе с ним стали спать, как говорят, на одной постели, состоящей из моего кожаного пальто, его легкого пальто, служившее нашим одеялом, его ботинки и мои сапоги были изголовьем, которые прикрывались его легким пиджаком и моей пока еще свежей гимнастеркой. Беда наша была в том, что у нас не было полотенца и мы пользовались носовыми платками. Но и этот недостаток был скоро ликвидирован. У меня на икры ног для лучшего держания голенищ хромовых сапог наворачивались чистые белые портянки, из которых мы сделали одно полотенце и мешочек для складывания хлебных паек. Совместное наше сидение на одной кровати, спалье на одной постели и повседневные разговоры на разные темы и однородные переживания с каждым днем все больше и больше сближало нашу дружбу. Вам понять всего нами пережитого, конечно, труднее, чем тем людям, которые были связаны общим несчастьем. Ну, об этом хватит писать. Разрешите изложить ответ на Ваши вопросы, которые поставили передо мной в письме. Что осталось у меня в памяти, я постараюсь об этом изложить.

I

Вы просите изложить, что рассказывал Николай Александрович о своей жизни?

Всего описать, конечно, я не смогу. Он говорил, что Родиной его является действительно Рыбинск, где он провел свои детские годы и там же окончил гимназию. Он рассказывал, что отец его был чиновником и выполнял работу в небольших масштабах... Если мне память не изменяет, он относился к числу ж/дорожных чиновников. По характеру своему отец был строгим человеком, часто прибегал к употреблению спиртного. О матери он говорил больше положительного, чем об отце. Он считал, что мать ему давала больше правильных направлений в жизни и учебе, в деле привития трудовых навыков, в части приобретения скромности, любезного почтения к людям и т. д. Рос он не холеным мальчиком, не то что Василий Васильевич Лорик. В раннем детстве остался без отца, жили исключительно на средства получаемого пособия за отца. Учась в гимназии ему пришлось выполнять обязанности репетитора по подготовке отстающих в учебе подростков за что получал скромную плату. Гимназию окончил хорошо, после того поступил в Петербургский ун-т. В те времена у студентов была установленная форма одияния. Часто приобретать не всегда представлялось возможным. Ему волей и неволей пришлось бережно относиться к приобретенной ранее форме. Еще в студенческие годы в нем стали развиваться черты скромности, трудолюбия, бережливости и вежливость к людям. Этот характер, мне кажется,

закрепился до момента пребывания его в тюрьме. Учеба в университете проходила у него успешно и закончил его с отличием.

Его стремление, как он рассказывал, после окончания ун-та было работать на дипломатическом поприще. Об этом предвещали ему не только товарищи по учебе, но даже преподаватели. Он в совершенстве овладел языком восточных стран и в частности китайским и японским. Желания его не сбылись. На дипломатической работе ему трудиться не разрешили лишь потому, что он по своему родословному происхождению занимать дипломатических постов не может. Ему было предоставлено право работать на научном поприще. Его это сильно огорчило и в нем появилось внутреннее негодование к существующему в то время строю. Он переключился на научно-исследовательскую работу, где особо увлекло его имеющая в то время в Петербурге неизвестная и неразгаданная письменность, привезенная русским исследователем Азии Козловым в 1908 или 1909 году. Наряду с приобретением общих знаний по китайскому и японскому языкам он стал усовершенствовать и закреплять эти знания. Кроме этого начал изучать какую-то буддийскую письменность и тибетский язык. В нем еще в то время зародилась мысль во что бы то ни стало уехать за границу на восток, определить свою жизнь там, заняться с помощью китайских и японских ученых вопросом изучения тангутской письменности и раскрыть тайну некогда существовавшего Тангутского государства. Намеревался издать свой труд и доказать Русскому государству на что способен человек, которого лишили права выполнять работу на дипломатическом поприще.

Николай Александрович много рассказывал о своей жизни в Японии, их обычаях и нравах. За период его пребывания в Японии ему крайне не нравилось некоторая форма преследований иностранцев, в том числе и его, которая просто ему осточертенела. Со стороны японских разведывательных органов. Жизнь его, как за границей, также и в СССР с момента возвращения в 1929 году проходила скромно. Он больше занимался исследовательской научной работой и меньше уделял время личной жизни. С момента его приезда в СССР в 1929 году у него совершенно не было близких людей, с которыми он проводил бы личное время. Может быть, это обуславливалось и тем, что его жена совершенно не знала русского языка и не могла по-русски говорить, так что никакая кампания не могла увлечь. Он за период пребывания в СССР справлял единственный праздник, это встреча Нового года. Снимал он в Астории стол и там вместе со своей женой встречал Новый год.

Из рассказов Николая Александровича о своей прожитой жизни можно было бы сделать такой вывод. Она была посвящена искренней научной работе, которая должна внести вклад в дело развития культуры во имя народа. Его научно-исследовательская кропотливая работа на всем протяжении его жизни занимала превосходство над его личной жизнью. Вот Вам краткий ответ на поставленный вопрос, что рассказывал Николай Александрович о своей жизни. Ответ на другие вопросы будет дан в другом письме.

*С почтением В. Титянов
19—VIII—63 г.*

II

Во второй части своего письма даю Вам ответ на последующие вопросы.

Вы спрашиваете, что рассказывал Николай Александрович о своих работах над Тангутскими рукописями. О тангутском государстве и своих работах?

Он был скромным человеком, в камере, пожалуй, никто не знал, что он является в какой-то степени знатоком по тангутским вопросам. Мое знакомство состоялось тоже как с работником Ленинградского Эрмитажа. При организации (конечно, неофициальной) в камере какого-то разумного досуга, избегая общей болтовни и шума, стали устраивать беседы на самые различные темы, когда один человек в полголоса рассказывает а все остальные слушают. Дошла, помню, очередь и до Николая Александровича. Первой его темой был увлекательный рассказ о ценностях Ленинградского Эрмитажа. После беседы, проведенной одним из старейших военных специалистов Игнатьевым о «Цусимской битве», где он был непосредственным участником, у Николая Александровича появилось собственное желание рассказать об истории существования Тангутского государства. Тема была необычной и новой, хотя такого государства давно уже не существует. Надо честно признаться, что «жилыцы» камеры 54, количество которых доходило до 154 человек, почти никто не знал о существовании такого государства. Его рассказ начался так. «На востоке Центральной Азии, буквально на песках, в IX веке было создано, вернее, возникло, это тангутское государство. Создателем этого государства были тангутские племена, которые называли себя какими-либо не помню людьми, или «людьми ми», или «ми-люди». Оно занимало большую территорию (назвал территория Китая, их провинция, которая не помню). Севернее Тибета и западнее мутно-желтой реки, название которой тоже не помню. Рассказывал, что это государство по своей силе и величине на Дальнем востоке занимало 3 место или было 3-м государством. В подтверждение могущества этого государства приводил факты, что Китай даже платил дань этому Тангутскому государству. Он рассказывал не только об истории такового. Много приводил фактов о социально-экономическом строе, его культуре, международных связях.

«Вся беда в том, со вздохом продолжал свой рассказ Николай Александрович, что несмотря на два с половиной века существования этого государства оно было обогащено собственной письменностью, которая формировалась под влиянием монгольской и особенно китайской письменности, но жаль, что эта письменность пока еще полностью не разгадана». Дальше он говорил, что Тангутская письменность была обнаружена нашим русским исследователем Козловым, которую он доставил в 1909 году в Петербург. И эта письменность остается непонятными условными знаками. Правда, продолжал он, часть тайны этой письменности разгадана русским ученым Ивановым, не помню фамилии ученых братьев из Китая, одного ученого японца и перечислял несколько фамилий из европейских стран, но буквально по одному человеку от каждой страны: Америки, Англии, Франции. Рассказывал о количестве найденной письменности и хранившей у нас в России, рассказывал, сколько ее имеет Америка и Англия. Он увлекательно рассказал, где и как была обнаружена эта ценнейшая находка тангутской письменности Козловым. В заключение рассказал, как исчезло это Тангутское государство.

Что рассказывал Николай Александрович о своих работах над тангутской письменностью?

Николай Александрович никогда не выпячивал вперед такого вопроса о своих работах над тангутской письменностью. Он почему-то больше говорил по этому вопросу о заслугах выдающего русского ученого Иванова, двух братьев из Китая, одного японца-ученого и о меньших заслугах востоковедов одного американца, англичанина и нескольких французских ученых. Себя он всегда считал учеником перечисленных лиц. Поскольку Н. А. готовил себя работать на дипломатическом поприще, особого значения имевшая в то время тангутская письменность для него не представляла. Когда он был лишен права на дипломатическом поприще работать, тогда он последовал примеру своего русского ученого Иванова с головой окунулся в научно-исследовательскую работу и поставил своей задачей раскрыть всю тайну тангутской письменности. Принялся за большое усовершенствование и закрепление знаний японо-китайского языка и литературы. Кроме этого, изучил тибетский язык. Перечитал, как он говорил, гору книг китайской, буддийской и др. литературы.

«Русский ученый Иванов какой-то невиданной силой увлек меня к изучению тайны неизвестной тангутской письменности. Мне хотелось поехать в те места, откуда привез Козлов эту письменность и своими руками произвести дополнительные раскопки». Имея затаенное негодование к правительству царского самодержавия, считая, что он не меньше приобретет практического опыта и знаний в деле исследовательской работы по этой тангутской письменности за границей на Дальнем востоке, он и поставил своей целью уехать за границу.

Будучи в Японии наряду с преподавательской работой Н. А. вплотную начал заниматься научно-исследовательской работой. Ему, будучи за границей, удалось, как говорил, «кропотливо раскрывать загадки древней письменности». Там же ему удалось сделать немалое количество переводов тангутской письменности в том состоянии, в каком они находились несколько веков тому назад. Будучи за границей он сумел овладеть в совершенстве всем комплексом филологических знаний и подготовил к выпуску в свет часть своих трудов. Кстати, он рассказывал, что намеревался написать работу по вопросу государственного летоисчисления, существовавшего в Японии и в Китае, и выявить действительную истину, какое же государство из этих является старшим по летоисчислению.

С переездом в 1929 г. в СССР он вплотную занялся подготовкой материалов к выпуску в свет. Особенно хотелось издать Русско-Тангутский словарь с большим объемом расшифрованных знаков. И ряд статей по истории тангутоведения и истории Тангутского государства.

Будучи в тюрьме его очень это дело беспокоило, что труды могут исчезнуть бесследно. При его аресте, как он говорил, очень небрежно относились к его рукописям, что вызвало сомнение в их сохранности. Это одна сторона. Второе, что его смущало, он боялся того, что его труды могут прибрать некоторые «люди» и издать их за свои труды.

III

Что я могу сказать о Николае Александровиче Невском как о человеке? Как он держался в те кошмарные дни?

Николай Александрович Невский это благородный скромный человек. Не бахвал даже в своих знаниях. Внимательный к людям. И желал

всем только добра. Он не вступал ни в какие споры, доказательства, но всегда внимательно прислушивался ко всяким разговорам.

Был такой момент 27/XI 37 г. Меня вызвали на следствие. Продержали меня на следствии 3 суток, не евши и не спавши, стоя на ногах. От всего этого я отупел и ослаб. Когда меня вернули в камеру буквально на один час на обед, Николай Александрович ужаснулся. Сразу же организовал мне отдых на несколько минут. Поставил по обоим сторонам кровати вплотную людей, меня положили на кровать и они с доктором Виноградовым начали делать мне массаж ног, сняв с меня хромовые сапоги. Разрезали брюки бриджи, которые мне жали икры. У кого-то позаимствовали валеные опорки на ноги и я даже немного мог заснуть. Когда за мной пришли с вызовом на следствие, он держал такой ответ: «Подождите, он ослаб и сам не может кушать, мы его еще кормим».

Сначала он держался прекрасно. Мое следствие длилось с 4 часов утра 27/XI до 5 ч. 30 м. утра 12/XII — 37 г. все время в положении стоя. Меня с 4/XII стали отпускать в камеру с конвоем только на обед. И мы все время с ним встречались, где он проявлял подлинную человеческую заботу ко мне и старался воодушевлять, чтобы я крепился. 7 или 8/XII возвращаюсь на обед в камеру и вдруг моего друга А. Н. нет. Я спрашиваю, а где Невский? Мне таинственно кто-то шепчет, что его ночью взяли на следствие. На второй день в обед вхожу в камеру, Николай Александрович сидит понурившись. Его седые волосы в каком-то беспорядке, под глазами мешки опухли. Сидит почему-то разувши и ноги тоже опухшие. Я сразу бросился к нему и спрашиваю, в чем дело, Николай Александрович? Он как-то холодно ответил, что был на следствии и стал таким же шпионом, как Вы, только Вы шпион польский, а я шпион японский. Почему Вы отекли? Последовал спокойный ответ: «Машина стала плохо работать». Может быть, Вас били? Он отрицательно кивнул головой и сказал: «Зачем меня бить, я им все подписал». Тут же дал совет мне, крепись и не подписывай.

10 или 11/XII — 37 г. по каким-то причинам у меня несколько часов не было следователя и меня отправили, вернее привели в камеру. Все уже расположились спать. Николай Александрович лежал как-то необычно. Брюки задраны были выше колен. Ноги по-прежнему были опухшими. Голова и плечи почему-то сверх обычного была завернута в мое истрепанное кожаное пальто. Такая его поза вызвала у меня даже какой-то страх. Я, тихо добравшись до кровати, стал трогать его, и он проснулся. «Ты почему здесь?» Как-то растерянно меня спросил. Я ему ответил, что нет следователя и меня на неопределенное время стража приперла сюда. Он мне хотел уступить кровать для отдыха, но я настойчиво стал опротестовывать и начал доказывать, что мне на полу будет лежать лучше.

Вдруг он как-то порывисто обратился ко мне с вопросом:

«Василий Михайлович! На меня теперь наверняка обидится Вячеслав Михайлович Молотов, что я не завершил работу по изданию Русско-Тангутского словаря». Я ему посоветовал успокоиться.

Вдруг он каким-то огорченным шепотом мне сказал: «Ну зачем меня обманули, привезли сюда — в Россию. Эх, Майский, Майский!» Потом вновь обратился ко мне и сказал: «Только что успел отыскать ключ от всех тайн тангутской письменности. Написал немало работ и вряд ли кто теперь сумеет довести до конца всю тайну тангутской культуры. Жизнь я прожил в честном труде. Мне жаль незаконченных своих работ. Жаль

жену, которая совершенно не знает русского языка и теперь живет как отшельница. Жаль маленькую дочь».

Я же ему взаимно ответил, что мне жалеть нечего. У жены моей и у детей со временем боль утраты исчезнет и будут жить потихоньку без меня. Единственно, на что я зол, почему меня, простого мужика, крестьянина-бедняка незаслуженно делают польским шпионом?

В заключении мы договорились: в случае если кому подвернется лучшая фортуна в жизни, обязательно должны проявить взаимную заботу друг о друге. И оба буквально сидя мы уснули на койке.

Утром 11/XII 1937 года после завтрака меня вызвали опять к следователю. Следствие шло буйно... Длилось оно без перерыва с 8 ч. утра 11/XII до 5 ч. 30 минут утра 12/XII. Это было в большом здании НКВД. Вдруг заиграло радио с песней «Эх, как хорошо в стране Советской жить». Я упал и потерял сознание.

Очнулся только в тюремном госпитале в «Крестах». С этого момента потерял связь с Николаем Александровичем Невским.

Позднее мне в одной из тюремных камер Ленинградских тюрем пришлось встретиться с Николаем Иосифовичем Конрадом. Этот человек противоположный тип Н. А. Невскому, потом уже бессовестный и неблагодарный человек, хотя он ныне и академик.

Вот что я мог Вам написать. Что Вы извлечете из моей писанины, я не знаю. Мое единственное пожелание Вам, Евгений Иванович. Воскресите правдивую память о Николае Александровиче Невском, а если выйдет в свет Ваш труд о Н. А. Невском, пришлите мне.

Второе, о чем хочу Вас просить, если удастся Вам встретиться с дочерью Еленой Николаевной, передайте ей мой родной старческий привет. Шлю привет З. И. Горбачевой.

*Остаюсь с уважением к Вам
В. М. Титянов*

Вспоминая Невского

О. П. Петрова

Память о Н. А. Невском дорога мне не только как память об ученом — этнографе, филологе и лингвисте, но и как о человеке, достойном того, чтобы его вспомнили добрым словом.

Я познакомилась с Н. А. осенью 1932 г. в Ленинграде. Познакомил нас Ока Фумио, преподаватель японского языка в Восточном институте (ЛВИ) и в Институте философии, лингвистики и истории (ЛИФЛИ) (в 1937 г. вошел в состав филологического факультета ЛГУ).

Формальным поводом для знакомства было мое знание японского языка. Я преподавала русский язык во Владивостоке японским рабочим, законтрактованным на сезонную работу на рыболовецких судах в Советском Союзе. Разговаривая ежедневно по-японски, я приобрела некоторую беглость речи и наивно полагала, что хорошо владею языком. Так продолжалось до моего зна-